

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Опубликовано: Радловские чтения 2006: Тезисы докладов. / Отв.ред. Ю.К. Чистов, Е.А. Михайлова. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С.161-166.

В июле 2005 г. Леониду Павловичу Потапову исполнилось бы 100 лет. Вот некоторые штрихи к тому портрету ученого, руководителя, человека, который может создаться у читающего эту книгу; за ними стоит долгий период общения с этим ярким, многогранным, обаятельным человеком.

Последний раз видела Л.П. (так между собой у нас называли его многие, и сам он этими инициалами часто подписывал свои дарственные надписи на работах) весной, месяца за три до его кончины. На молодых лиственницах перед больницей АН проклевывались светло-зеленые кисточки. Л.П. лежал в отдельной палате кардиологического отделения. В свете бьющего в большое окно солнца было особенно заметно, как он исхудал и ослаб. Запомнился висящий на стуле коричневый, в мелкую клетку пиджак. Его мы часто видели на крупной, «представительной» фигуре Л.П.; сейчас же он казался каким-то ненужным, плечи и рукава его беспомощно свисали... Но Л.П. не был бы Л.П., если бы не сумел шуткой над своей немощью разрядить первое, а потому особенно воздействующее впечатление. Медсестра принесла на подносе порцию лекарств, которые следовало принять до и после обеда, в том числе мензурку с микстурой. Элегантным движением руки Л.П. поднял мензурку, как если бы это была рюмка с коньяком, и пожелал здоровья. Преодолевая слабость, он встал с кровати и, шутливо извиняясь, что не может пригласить даму к столу, сел обедать...

Л.П., конечно, полностью осознавал свое положение и даже посетовал, что вот приходится снова ждать, тогда как некоторое время назад все уже могло бы быть позади. Он зачем-то выходил из дома и упал на ступеньках крыльца. Подняться сам он не мог, никого вблизи не было, и он долго лежал на холоде. Там его и обнаружил приехавший из города в Комарово Альдик (так Л.П. называл старшего сына Роальда)...

Не жаловаться, сохранять в его положении кураж, пусть даже на короткое время, пока за посетителем не закрылась дверь, - это качество сильного духом человека. С чувством, граничащим с восхищением, я и уходила тогда от Л.П.. На похоронах Л.П. я не была, а уже в предзимье, вместе с Людмилой Левизи и Зоей Пугач, мы побывали на комаровском кладбище, где покоятся Потаповы – Л.П., его мать, жена и младший сын.

Эту последнюю осень от осени 1953 г., когда я, только что поступившая на работу в Кунсткамеру, впервые увидели Л.П., отделяют почти 50 лет... В Секторе Сибири тогда шла интенсивная работа – к сдаче в издательство готовился том «Народы Сибири», на подступе был «Атлас». Задействован был весь коллектив сектора и авторы «со стороны» - М.Г. Левин, А.П. Окладников. Шли регулярные долгие заседания, скорее похожие на баталии, чем на академические дискуссии... Говорилось только о том, что надо в той или иной статье изложить, исправить, снять совсем. На «позитивные» оценки времени не хватало. Авторское самолюбие подвергалось большим испытаниям, но зато закалялось. Все непрерывно курили (хозяйка, у которой я тогда снимала угол, считала меня курящей: табаком пахло от одежды, бумаг), и через какое-то время в сизом дыму кабинета различались лишь смутные силуэты. Зато голоса звучали отчетливо: высоким фальцетом («Нет, послушайте...!») выражал несогласие добрейший Андрей Александрович Попов; Валентина Васильевна Антропова, более, чем всегда, заикаясь, упорствовала в своем мнении (как правило, справедливом); звучал «русалочий» (по А.Н. Толстому) смех Натальи Федоровны Прытковой - он мог выражать как несогласие с чьим-то заявлением в ее адрес, так и удовлетворение, что досталось не только ей. В экспрессивных выступлениях Глафиры Макарьевны Василевич, о чем бы ни шла речь, критиковалось одно – недоучет влияния тунгусской культуры. Забегая вперед, скажу, что авторитет Л.П. – директора и руководителя сектора Сибири – не могли

победить «тунгусизм» Г.М. Василевич. Л.П. пасовал и призывал на помощь М.Г. Левина – ему одному и в какой-то степени А.П. Окладникову удавалось унять страсти... Размеренно и тихо на обсуждениях звучал только С.В. Иванов.

Мы – К.В. Якимова, В.П. Дьяконова, В.Т. Астановская и я – составляли молчаливый раек. Диву давались, а по существу набирались бесценного опыта пристрастного отношения к делу сибиряки-аспиранты Л.П.: К.М. Патачаков (Хакасия), Е.М. Тощакова и Н.Ф. Сатлаев (Алтай). Они давно перешагнули ученический возраст, но неизменно, как этого требовал Л.П., присутствовали на всех заседаниях Сектора. Все они стали известными специалистами, все преданно любили Л.П. и читали его всю жизнь. Поименно я назвала только аспирантов начала 1950-х годов, потому что они особенно выросли в жизнь Сектора и потому что, как и их учитель, они уже ушли из жизни. Возможно, от них, а может быть, из экспедиционной южносибирской среды пошло именование Л.П. «тарга». Чаще всего у нас так называл его Александр Данилович Грач. Л.П. подобное обращение, видимо, было по душе. Во всяком случае, еще много лет спустя он шутливо называл себя «экс-таргой».

На одном из таких заседаний я впервые увидела Л.П. Потапова, только что вернувшегося из поездки (кажется, в Чехословакию) – уверенного, импозантного, легкого в движениях. Присутствие Л.П., его четкие формулировки и авторитетный тон всегда упорядочивали эмоции авторов, каждый из которых был первоклассным специалистом в своей области, и позволяли двигаться дальше. К тому же Л.П. предпочитал оставлять на усмотрение авторов пусть спорные, но не самые существенные моменты, обычно ограничиваясь основными обобщениями.

Л.П., несомненно, был харизматической личностью. Его выступления всегда собирали и «держали» большую аудиторию. Артистизм, эмоциональность, уверенность были присущи, практически, любому выступлению Л.П., и это сопутствовало успеху. «На него» шли. В секторе тогда собиралось много народу – сотрудники МАЭ из других отделов, гости из смежных учреждений, студенты... Ему было дано всегда успешно представлять Ленчасть Института и МАЭ. Это было время, когда мы, как научный центр, не уступали Москве, а в области сибиреведения лидировали. Специалисты из Сибири предпочитали стажироваться у нас, то же можно сказать о зарубежных ученых и аспирантах. Уровень руководства и личное обаяние Л.П. играли в этом большую роль.

Л.П. умел расположить начальство любого ранга; сотрудники его экспедиций в поле были как за каменной стеной. Организационный дар дополняло умение представить историческое значение осуществляемых работ и в первую очередь – для того региона, где они проводились. В Туве, на Алтае и в Хакасии его имя широко известно и почитается.

Собственная исследовательская работа, поле и то, что можно назвать «внешними связями» и «представительством», как мне кажется, привлекали Л.П. больше, чем рутинная музейная работа, требовавшая особенного характера. Есть и еще один момент. Кунсткамера в 1950-1960-е гг. отличалась определенной камерностью: большинство сотрудников работали здесь и знали друг друга смолodu, и эти обстоятельства обуславливали короткие отношения. Л.П. сам был из этой среды, но возглавлял МАЭ, поэтому ему иногда стоило немалых трудов сохранять дистанцию. Это удавалось не всегда, и он раздражался. В Кунсткамере, например, работала сплоченная группа дам, неукротимой общественности, раж которых часто докучал Л.П., - он называл их «старыми маэвками».

Чувствуя себя полным хозяином, он мог преступить чьи-то интересы, быть пренебрежительным, порой едким. На него справедливо обижались, возникали и конфликты... Непростые отношения сложились у Л.П. с Г.М. Василевич. Она переживала, что не продвигается к изданию ее большая работа по этногенезу тунгусов, главным материалом для доказательств в которой были лингвистические данные. Мне кажется, что у Л.П. просто не было желания разбираться в тонкости «шекающих», «секающих», «свистящих» и др. диалектов. Неукротимость Глафиры Макарьевны тоже могла раздражать. В качестве экспертов Л.П. привлекал Б.О. Долгих, М.Г. Левина, но, похоже, сил не хватило,

и рукопись зависла. Василевич сердилась на «Лёньку», упрекала в предвзятости, других грехах, но одновременно всегда отдавала должное за то, что он был честен.

В 1974-1976 гг. мы несколько летних сезонов жили в Комарово, приезжали туда и зимой. В то время и в 1980-х гг. мы достаточно часто виделись с Л.П.. Он был тогда еще полон сил, здоров и, как мне кажется, любил свое комаровское уединение. Он с явным удовольствием запасался дровами, топил печку, носил воду из колонки для домашнего водопровода. Ему там хорошо работалось, а для отдыха рядом были значительные лесные просеки и дорожки. В доме хозяйничала Настасья Ивановна – грузная, с большими ногами и строгим лицом старая женщина. Она долго жила в семье Потаповых, болела душой за всех домочадцев, привечала многочисленных учеников и друзей Л.П., но беззаветно любила только хозяина. Настасья Ивановна могла поворчать, попенять за что-то, пообещать уехать куда-то «к своим». В ответ Л.П. добродушно отговаривался, посмеивался и ждал возвращения Настасьи Ивановны, если та на некоторое время исчезала.

Л.П. был прост и приветлив с приятельницами Настасьи Ивановны, которые навещали её. Чаше других приходила Прасковья Григорьевна, дружившая с Верой Пановой, знавшая Леонида Пантелеева, слывшая в Комарово и за его пределами народной целительницей. Жизнь её была полна необычайными событиями, и она с удовольствием рассказывала о них. Л.П. включался в общий разговор, и тогда обязательное чаепитие превращалось в маленькое этнографическое поле.

Ныне осталось мало людей, кому лично пришлось соприкоснуться с такими чертами многогранной личности Л.П. Потапова, как великодушные, способность помочь в трудную минуту, быть неформальным. Приведу свой пример. Осенью 1956 г., возвратившись из первой своей экспедиционной поездки, я в течение длительного времени появлялась на работе лишь на несколько часов, а потом вынуждена была отсутствовать целые дни: безнадежно болел мой первый муж. На каком-то этапе я уже не могла больше пользоваться негласным разрешением не присутствовать на работе. У меня еще оставался неиспользованным отпуск, и я пошла к Л.П. как заведующему сектором с заявлением. Л.П. сказал, что отпуск мне еще понадобится, пусть все идет как идет, а он верит, что в лучшее время я смогу наверстать дела. Подчеркну, что в МАЭ я тогда проработала всего три года. Оказанное доверие много значило для меня и было едва ли не главной причиной, по которой я не уехала в Москву, куда меня звал Б.О. Долгих и где был родительский дом.

Л.П. был человеком своего времени и, конечно, умел пользоваться связями и тем, что теперь называют «административным ресурсом», а для кого-то и сам был подобным «ресурсом». Но мне кажется, что он знал истинную цену успеха, и именно это помогло ему достойно переносить собственную кризисную ситуацию.

Все привыкли видеть Л.П. «во власти» - в директорском кресле, в президиумах, на различного уровне встречах. Лидерство шло ему. Можно только домысливать, чего стоило ему на полном ходу лишиться практически всех внешних знаков своего высокого положения. Но у Л.П. всегда оставалось дело – сибиреведение, которому он служил до конца и которое до конца держало его в этой жизни.

Внешне же он, казалось, легко оставил директорский кабинет и обосновался в камералке. Там он вплотную занялся своим огромным полевым архивом по шаманству. К сожалению, предполагавшийся триумвират – И.С. Вдовин, С.В. Иванов, Л.П. Потапов – в руководстве секторальным проектом по этой теме распался. Думается, что слишком разными были у каждого сами подходы к изучению проблемы: историко-культурный - у Л.П. и преимущественно социальный – у И.С. Вдовина. Но зато Л.П. смог тогда полностью погрузиться в уникальный собранный в 1920-1930-е гг. материал. В присутственные дни он работал в камералке часов до 16, а затем уходил, чтобы 47-ым автобусом добраться до Финляндского вокзала, не опоздав на электричку. Его часто можно было видеть «со спины» идущим через зал Японии – в широком расстегнутом пальто и слегка сдвинутой назад шляпе. Походка была еще пружинистой, но возраст уже начинал сказываться.

Л.П. продолжал жить в Комарово, хотя сын постоянно уговаривал перебраться в городскую квартиру. Конечно, бытовых трудностей на его долю в тот период выпало очень много, но это был выбор самого Л.П.. Он предпочел Комарово.

Была в нем независимость и внутренняя сила, которая, например, позволила ему – гурману и знатоку застольного этикета – шутить о преимуществах гречневой каши, которую, единожды сварив, можно разогревать несколько дней. Одиночество скрашивала кошка Дуська. Л.П. ценил свободлюбивый характер Дуськи и трогательно заботился о ней. Зимой он держал форточку открытой, чтобы кошка могла вернуться в любое время, говорил, что не может заснуть, если Дуськи нет дома. А до Дуськи у Потаповых долго жил кот Матрос, любимец Настасьи Ивановны, задира и гуляка. Он прославился тем, что однажды после долгого отсутствия привел Потаповым свое семейство – кошку с маленькими котятами.

Поток людей, которым имя Л.П. было нужно для решения собственных проблем, продвижения, постепенно, как это и бывает, становился всё меньше. Но коллеги, которые нуждались в его советах, ценили дружбу с ним или просто отдавали должное ему как ученому и человеку, его не забывали. Но визиты и праздники были временными, постоянными были будни, требовавшие все больше и больше терпения и мужества от Л.П. и, конечно, его близких, более всего – сына Роальда.

За долголетием и размахом самой личности Леонида Павловича Потапова, как мне кажется, стоят его сибирские корни и преданность сибиреведению до самого конца.